

Давид Маркиш

Третья столица

Приношу сердечную благодарность организаторам Одесского международного литературного фестиваля, а также Всемирному обществу одесситов, читателям и почитателям Исаака Эммануиловича Бабеля, самоотверженным сотрудникам Одесского литературного музея, моим коллегам-литераторам по Бабелевским чтениям в этом замечательном музее, прохожим, увиденным на одесских улицах, и пивной торговке Блюме с 16-й станции Большого Фонтана – без них эти заметки не были бы написаны.

Знает и троечник, что литературные отношения между столицами – Москвой и Петербургом – развивались не ахти как. Даже скорые на расправу большевики с привольно раскинувшимся ГУЛАГом с его широким разлетом полей, лесов и рек не справились с принуждением к миру петербуржан и москвичей. Москвичи заносчиво считали, что их литературная школа куда глубже, шире и лучше, чем петербургская. Петербургские писатели глядели на московскую похвальбу с ироническим прищуром и не удосуживались опускаться до публичной дискуссии на тему «кто лучше»... Я, чужак, оставляю при себе свое мнение на этот счет, кто лучше, а кто хуже.

Но неизбежный этот спор нескончаемо тлел и чадил, и только Иосиф Бродский не обращал никакого внимания на обидные пустопорожные разговоры: его и в Петербурге, и в Москве принимали как «своего».

Большевицкие литературные комиссары трудились за страх и за деньги, дикарский социалистический реализм колотил в барабан советской культуры, и миллионы подцензурных читателей

наплывающих поколений потихоньку забыли о третьей столице русской литературы – Одессе; по звездам, по рыбам уже не пронесло шаланду греков-контрабандистов, и более не белел парус одинокий в тумане моря голубом. Одесса превратилась в провинциальный южный город с красивыми домами, помнившими лучшие времена. Советская духота подействовала, как видно, на нервы блистательным одесским писателям, публицистам и музыкантам, медленно погружавшимся в захолустное болото, – подобно чеховским сестрам, они мечтали о Москве. Перебираясь в Белокаменную, они как индульгенцию везли с собой яростную любовь к своей Одессе, к ее необыкновенному языку, к ее Дюку и головолодной лестнице, ведущей к морю, где белый парус бесповоротно исчез за горизонтом, а Янаки, Ставраки и Папа Сатырос сидели под замком в Губчека.

Десяток литературных звезд первой величины и намного больше, скажем так, писателей второго плана переехали из Одессы в Москву в 20-е годы. И столица пала под их великолепным натиском. Столица пала и получила максимум удовольствия. Став московскими знаменитостями, вчерашние одесситы сохранили все обаяние приморского Юга. Одесская литературная школа получила постоянную прописку в Москве. А осиротевшая Одесса на вечные времена сохранила за собою право называться колыбелью этой школы, этой литературы. Остался на своем месте бронзовый Дюк, и Потемкинская лестница осталась. Но шаланды, полные кефали, Костя больше не приводит к берегу, а портовые грузчики стоптали до дыр свои со страшным скрипом башмаки. Владимир Агатов, в девичестве Велвл Исидорович Гуревич, придумавший этого самого Костю, при появлении которого в пивной все биндюжники вставали как по команде, тоже надолго не задержался на Украине – я встречал его в Москве, в кафе «Националь», в конце 50-х. А песня о Косте, влюбившемся в рыбакку Соню, этот истинный гимн Одессы сохранился неприкосновенным:

Я вам не скажу за всю Одессу,
Вся Одесса очень велика.
Но и Молдаванка, и Пересыпь
Обожают Костю-моряка.

И Исаак Бабель расцвел в Москве, как райское древо; слава его была непомерна. Впрочем, он остался в Одессе больше, чем кто-либо из его собратьев-писателей. Уехав оттуда, он, можно сказать, там остался; трудно представить себе Одессу без Бабеля. Без Олеси – можно, без Катаева – можно, а без Бабеля нельзя.

Литература, разумеется, не слепок с жизни, будь то одесская жизнь, московская или хоть миргородская. Но никто и не сращивал в единое целое литературу и жизнь, как и не рассекал надвое, отделяя литературу от жизни, это воображенное целое. Вот все мы и живем на свете, фантазируя и воображая, но плоды фантазий и воображения преобразуются в Слово не у каждого – хороших писателей мало. Не наступил еще плодоносный год, предсказанный Андреем Платоновым: «И народятся хорошие писатели».

Литературный феномен Одессы, быть может, самый загадочный и удивительный в истории мировой литературы. Никто внятно не сумел, да и в дальнейшем едва ли сможет объяснить, как и почему случился почти сто лет назад этот вулканический выброс литературного творчества на отлогом, довольно-таки унылом черноморском берегу. Даже Яков Блюмкин, одессит, один из самых блистательных авантюристов прошлого времени, и тот сочинял стихи и даже подписал вместе с Есениным, Мариенгофом, Кусиковым «Устав Ассоциации вольнодумцев». Некоторые любители наводить тень на плетень приписывают Блюмкину авторство гениального есенинского предсмертного стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья, / Милый мой, ты у меня в груди...»

Литературу нельзя вывести из крови, она уходит лишь вместе с кровью. Одесса жива и относительно здорова, кровь ее исправно пульсирует в венах. И хотя пивная торговка Блюма с 16-й станции Большого Фонтана даже отдаленно не напоминает куриную торговку тетю Песю со Старого базара, дух и образ этой бабелевской куриной тети Песи не развеялся, и вряд ли выветрится в обозримом будущем. Как и образ нестареющего сказочного разбойника Фроима Грача, пристреленного большевиками, как и Менделя Крика, который и среди биндюжников слыл грубияном. Как и всей этой красочной галереи изумительных вообра-

женных одесситов во главе с самим изобразителем – Исааком Бабелем, у которого на носу очки, а в душе – осень. «Мы видели себя стариками, лукавыми, жирными стариками, греющимися на одесском солнце, у моря – на бульваре, и провожающими женщин долгим взглядом», – фантазировал Бабель. «Мы» – это два одессита: Бабель и Багрицкий. Ни тот, ни другой не дожили до старости: одного убила болезнь, другого – чекистская пуля. Но и сегодня, шатаясь по Приморскому бульвару, я перевожу взгляд со скамейки на скамейку: где он, жирный улыбающийся старик в круглых очках в железной оправе?

Одесса стала другой, подновленной, а литературные герои не изменились, и придумавшие их писатели не состарились: мертвые не стареют. Литературный фестиваль пришелся здесь ко двору и был принят одесситами с трогательным расположением, а ведь забот у горожан, сколько можно понять, полон рот, и что им, казалось бы, за дело до рассказов Исаака Бабеля! Могло бы сложиться и иначе, да не сложилось: это ведь «их» Бабель, они готовы им делиться с целым светом, но отдавать не собираются никому.

Нынешний фестиваль, нынешнее чествование мастера Бабеля приурочены к 117-летию со дня его рождения: его именем названа маленькая площадь на углу Ришельевской и Жуковского, напротив дома, где жил Исаак Эммануилович Бабель и его родители.

Загадочный город, странные времена! Покинув Одессу, Бабель остался в своем городе, но и оставшись, – исчез на два десятилетия. После его ареста и казни в 1940-м книги его не переиздавались и, разумеется, были изъяты из библиотек, оказались под запретом – до смерти Сталина, начала «оттепели» и медленного загнивания империи. Молодое поколение слышало его имя, но немногим посчастливилось его читать тайком, по углам. Я, двадцатилетний, оказался в числе счастливицков. И был ранен в душу «Одесскими рассказами» и «Конармией». Мне казалось, что Исаак Бабель, убитый на Лубянке, единственно в Одессе остался жив.

В Одессе я появился впервые пятьдесят с лишним лет назад. Я приехал туда из Грузии, где к тому времени вышли мои первые книжки, приплыл морем на борту ныне покойного теплохо-

да «Адмирал Нахимов». Надо сказать, что я немного бродяжничал в те годы, поэтому плыл я на «Адмирале» безбилетником, без копейки в кармане, был выловлен, мне грозили неприятности. Но пассажирский помощник капитана, которому я презентовал мою книжку, меня помиловал, и я беспрепятственно сошел на берег, еще не забывший, как мне хотелось думать, уверенную походку того самого Кости-моряка.

Мне не терпелось получить подтверждение моим предположениям. Приметив на бульваре старика в белом жеваном пиджаке, с колючей седой рожей – он предлагал всем желающим взвеситься за пяточок на стоячих «курортных» весах со скользящими никелированными гирьками, – я подошел к нему без колебаний. Старик глядел на меня без всякого интереса.

– Вы случайно не знаете, – сказал я, – где тут жил Бабель, писатель? На какой улице?

– Бабель? – переспросил старик. – Какой Бабель? Я знаю Бебеля, он был революционер, – и повторил внятно: – Бе-бель!

На дворе стоял 1958-й, восемнадцать лет прошло с тех дней, когда Бабеля расстреляли... Теперь он возник вновь, вернулся из тени – книгами, памятью, памятником, клубом.

Будем надеяться, что надолго.

